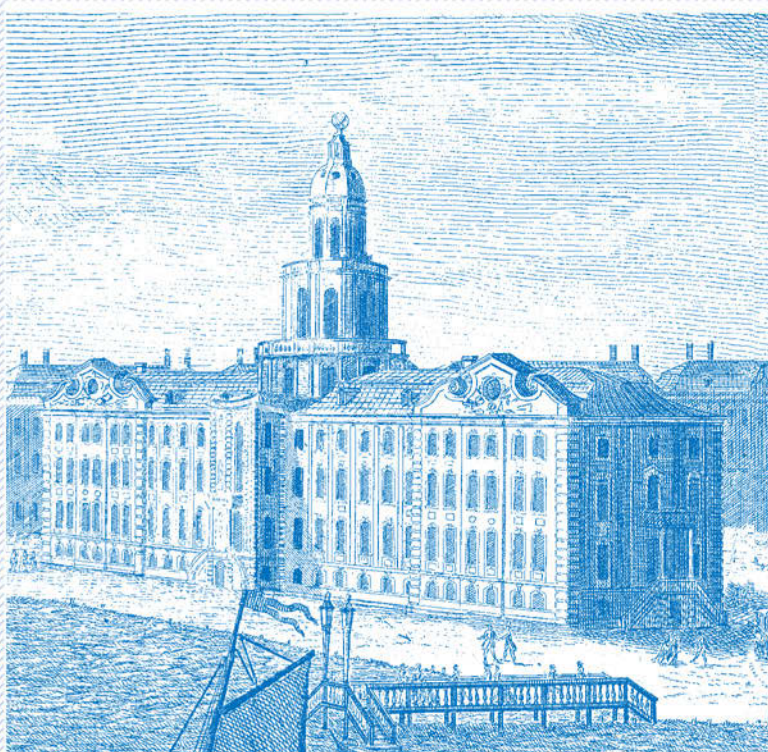

ИСТОРИЯ

И

Выпуск 11 (11)

КУЛЬТУРА

Санкт-Петербург
2013

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра западноевропейской и русской культуры

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Выпуск 11 (11)

**СТАТЬИ
ИССЛЕДОВАНИЯ
СООБЩЕНИЯ**

Санкт-Петербург
2013

ББК 83+85+87.8

История и культура. Вып. 11 (11)
Статьи. Исследования. Сообщения
ISSN 2222-2960

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории западноевропейской и русской культуры
Исполняющий обязанности заведующего кафедрой
кандидат исторических наук, доцент *Д. О. Цыпкин*

Рекомендовано к печати
Ученым советом Исторического факультета СПбГУ.

Рецензенты:
Г. М. Прохоров, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
А. В. Сиренов, доктор исторических наук,
доцент кафедры источниковедения истории России СПбГУ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

доктор филологических наук, профессор Ю. К. Руденко (СПбГУ) —
ответственный редактор
кандидат исторических наук М. А. Шибаев (СПбГУ) —
ответственный секретарь
кандидат исторических наук А. В. Березкин (СПбГУ)
доктор филологических наук В. Е. Ветловская, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
доктор филологических наук, профессор Ю. В. Зобнин (СПбГУП)
доктор философских наук, профессор А. Л. Казин (СПбГУКиТ)
кандидат искусствоведения, доцент О. Б. Сокурова (СПбГУ)
кандидат исторических наук Д. О. Цыпкин (РОСФОТО)
кандидат филологических наук, доцент А. А. Шелаева (СПбГУ)

Электронная версия сборника находится на сайте
<http://history.pu.ru/rus/IK>

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5
Тел./факс (812) 328-94-47

© текст, авторы статей
(см. оглавление), 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ

- Т. Г. Иванова.* Топоним *Чернигов* в былинах Архангельского края (к вопросу о методических возможностях Указателей этнических и географических названий в Своде русского фольклора) 5
- В. В. Василек.* О концепте крестоношения и семантике слова *σταυροφόρος* в службе императору Константину Великому 19
- И. Ф. Прийма.* «Славянская идея» Ф. М. Достоевского и славянофильская лирика 1830–1850 гг. 31
- В. Е. Ветловская.* «Если Господь не созиждет дома...» (Мотив камня в «Братьях Карамазовых») 81
- Ю. К. Руденко.* Об одной ленинской цитате «из Чернышевского» 101
- О. П. Святуха.* Русский стиль в архитектуре городов восточной окраины Российской империи 130
- Г. А. Соколов.* Парадокс как принцип художественного метода Леонида Андреева 153

<i>А. О. Шманёва.</i> Тема духовных исканий в повести И. С. Шмелева «Богомолье»	178
<i>И. Ю. Шауб.</i> Н. Н. Берберова об И. А. Бунине: «Курсив мой» как исторический источник	184
<i>А. А. Мушта.</i> Репрезентация образа Л. Н. Гумилева в интервью	206

II СООБЩЕНИЯ

<i>М. А. Шибяев.</i> Судьба библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря в XV веке	219
<i>Д. О. Цыпкин.</i> Проблема разработки единой методологической системы идентификации пишущего в изучении древнерусских рукописно-книжных памятников (на материале Софийского, Кирилло-Белозерского и Соловецкого собраний ОР РНБ)	225
<i>А. В. Родосский.</i> Португальская литература в трудах русских исследователей XIX — начала XX в.	243
<i>Г. М. Прохоров.</i> Судьба книг, отбитых у немцев	272
Аннотации	276
Summaries	284
Об авторах	291
Authors	295
Требования к авторским материалам	299
Порядок рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редколлегию альманаха	306

Ю. К. Руденко

**ОБ ОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ЦИТАТЕ
«ИЗ ЧЕРНЫШЕВСКОГО»***

1

Существовавшая в советское время обойма авторитарно-обязательных ленинских текстов включала в себя, среди прочих, и статью 1914 года «О национальной гордости великороссов», где ключевое место отведено броским словам о великороссах как о «нации рабов» — со ссылкой на Чернышевского в виде прямой цитаты из него [5].

Опубликованная в конце 1914 года в газете «Социал-демократ» — центральном органе партии большевиков, эта статья имела своим злободневным контекстом ту взвинченную волну шовинистической риторики, которая, в связи с начавшейся мировой войной, захлестнула всю европейскую (включая и русскую тоже) прессу в самом широком диапазоне её оттенков.

В этом Ленин усматривает актуальность проблемы, вынесенной им в заголовок, на это с самого начала и указывает:

«Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна “передовых” публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казённых, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и “марксистских”) писак России — все на тысячи ладов воспевают свободу

и независимость “родины”, величие принципа национальной самостоятельности. <...> *Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций*» [5, с. 106].**

В конце статьи Ленин, в противоположность этому «идейному течению», предлагает свою — альтернативную, марксистскую — идейную установку: *«Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с социалистическим интересом великорусских (и всех иных) пролетариев»* [5, с. 110].

Хотя в обоих случаях подчеркивается исключительно *классовый* характер «национального интереса», который и у «пролетариев», и у «господ помещиков и капиталистов» в равной мере оказывается вполне *интернациональным*, но слова, обозначающие объект «национальной гордости», применительно к *враждебному* «идейному течению» берутся Лениным в иронические кавычки («родина»), а применительно к *себе* и «своим» — произносятся (несколько далее) с позитивным пафосом: «Мы любим свой язык и свою *родину...*» [5, с. 107].

Чем же отличается, по Ленину, *родина*, которую любим «мы», от «родины», которую любят «они»? Очевидно, всё дело в том, что *их* «родина» — это ещё и *государство*, которое «они» призывают «защищать» как *общее* «им» и «нам» (социал-демократам) «отечество», в ответ на что *мы* заявляем:

<<...> Нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), “защищать отечество” иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов **своего** отечества, т. е. **худших** врагов нашей родины; — *нельзя великороссам “защищать отечество” иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $\frac{9}{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $\frac{9}{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обещивает, протитутурует его...*» [5, с. 108–109]**.*

Итак, по Ленину, «мы» любим свою *родину*, но стыдимся своего «*отечества*» — «такой страны, которую справедливо называют “тюрьмой народов” <...>. Мы больше всего работаем над тем, чтобы её трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ её населения) *поднять до сознательной жизни демократов и социалистов*. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнёту и издевательствам подвергают *нашу прекрасную родину* царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы *гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды*, из среды великороссов, что *эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов*... и т. д. [5, с. 107].

Горделиво повторяющееся ленинское «мы», очерчивающее тот социальный круг, чью позицию он заявляет и выражает, эволюционирует в тексте статьи буквально от абзаца к абзацу, расширяясь в своём количественном объёме и социальном наполнении. Сначала это только «мы, великорусские *социал-демократы*» [5, с. 106], затем — уже все «великорусские *сознательные пролетарии*» [5, с. 107] и наконец — вообще «великорусские *рабочие*» [5, с. 108]. Как видим, каждое предстоящее «мы» — не что иное, как *авангардное ядро* по отношению к следующему за ним «мы», выступающему в роли *руководимой массы*. В то же время любое из этих *великорусских «мы»* — и все они вместе — специфицированы как «*представители великодержавной нации*» [5, с. 106], вследствие чего *наша «национальная гордость»* может выражаться стремлением к *одной-единственной цели*: «<...> Мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, *хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий*» [5, с. 108].

Обратим внимание в заключительной части фразы (оставив пока в стороне ленинский пафос) на весьма характерную оценочную *антитезу*, оформленную как *прямой синтаксический параллелизм*:****

с одной стороны, это — «человеческий принцип равенства» (характеризующий «прогрессивный» Запад); с другой — «крепостнический принцип привилегий» (характеризующий «реакционную» Россию).

«Человеческий принцип равенства» — это, вполне очевидно, из «Liberté, fraternité, égalité» Французской революции конца XVIII века,***** то есть из *прошлого* «прогрессивной» Европы, с тех пор так и продолжающей блистать своими «демократическими идеалами», которые по отношению к «реакционной» «царской Российской империи» представляются всего лишь чаемым для неё *будущим*.

Зато «крепостнический принцип привилегий» — это как бы *только наше*, родное, «**своё** рабское прошлое <...> и своё рабское настоящее», которое «мы **особенно** ненавидим» [5, с. 108]. Звучит хлётко, но как-то нелепо: получается, будто «принцип привилегий» — порождение именно *крепостного права* и существует *только* в «царской» России как знак её исключительной *отсталости* и органически присущей ей *реакционности*. Всё это *исторически* по меньшей мере *ложно*.

Ведь привилегии — это *чьи-либо исключительные права*. Они существовали и существуют (в том или ином виде) везде и всегда на протяжении *всей* человеческой истории. И отнюдь не только в докрепостнической или *посткрепостнической* России! На Западе тоже — в древности, в средние века, в эпоху «прогресса» и т. д.!.. А если отвлечься от политики и *частное* (юридическое) понятие «привилегий» заменить *общим* понятием «неравенства», одинаково приложимым ко всем сферам действительности, ко всей живой и неживой природе, то ленинская фраза о «крепостническом принципе привилегий» становится просто бессодержательной. В статье она призвана внушить низовому русскому читателю (так называемым «трудящимся массам») всего лишь *нужную* политическую идею.

Следует отметить, что аттестация России как «царской Российской империи» принадлежит Ф. Энгельсу (в статье «Внешняя политика русского царизма», 1890) [13]. Ленин, в июле — ноябре

1914 года работавший над статьёй о Марксе для русского энциклопедического издательства «Гранат», заново пересматривал все известные труды Маркса и Энгельса и штудировал опубликованное посмертно, включая и их личную переписку и мемуары о них. Указанную статью Энгельса он, несомненно, хорошо знал.^{6*}

В ней Энгельс, в частности, квалифицирует «царскую Российскую империю» как «главный оплот, резервную позицию и вместе с тем резервную армию европейской реакции», чье «одно уже <...> пассивное существование представляет для нас угрозу и опасность», поскольку «своим постоянным вмешательством в дела Запада (?) эта империя задерживает и нарушает нормальный ход нашего развития и делает это с целью завоевания для себя таких географических позиций, которые обеспечили бы ей господство над Европой и тем самым сделали бы невозможной победу европейского пролетариата» [13, с. 13].^{7*} Ленин умело пользуется характерными энгельсовскими клише, данными России как одной из великих держав. Достаточно сравнить с ними, например, следующие ленинские акценты из указанных выше его работ:^{8*} «<...> **особенно** подлый и варварский русский царизм <...> более всех реакционен <...>» [6, с. 10]; «Русские социал-демократы <...> правы, говоря, что **для них** меньшее зло — поражение царизма, что **их** непосредственный враг — больше всего **великорусский** шовинизм <...>» [там же; разрядка автора]; «Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. <...> При данном положении (сложившемся на фронтах мировой войны в октябре 1914 года. — Ю. К.) нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России **наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии**» [6, с. 11].

Но в особенности Ленин в «Национальной гордости великороссов» *помнит и цитирует* другую работу Энгельса, специально посвященную проблемам русской революционной эмиграции и внешнеполитическому положению России в контексте западно-европейских интересов, — цикл его статей «Эмигрантская литература» (1874–1875). Ленин приводит отсюда афористическую сентенцию Энгельса, открывающую заключительный абзац 1-й статьи цикла («Польская прокламация»): «Не может быть свободен народ, который угнетает другие народы» [6, с. 108]; ср.: Маркс К., Энгельс Ф. — [12, с. 509]. Именно здесь политика России оценивается Энгельсом с *военно-политической* точки зрения: «На заднем плане всего европейского милитаризма стоит русский милитаризм, — утверждает он. — <...> Русская армия служит предлогом и резервом всего европейского милитаризма» [12, с. 504; 507].^{10*} Вспоминая Крымскую войну, Энгельс считает чуть ли не главным положительным её результатом то, что она «избавила Запад <...> от заносчивости царя» [12, с. 507]. А его главная идея сформулирована с самого начала: «<...> Россия со времени Петра Великого <...> по существу оставалась <...> внеевропейской державой <...>» [12, с. 506]. В обстановке развёртывающейся Первой мировой войны все эти квалификации как нельзя более актуализировались, по крайней мере для Ленина и с точки зрения того *последовательного* марксизма, который он защищал.

2

В таком политическом и идеологическом контексте Ленину и потребовался «свой», *великорусский* авторитет, да еще по возможности из «гонимых царизмом», чтобы похлестче, побезусловнее, а главное — «посамокритичнее», побольше в *национальном* смысле заклеить это «*своё рабское...*». Чернышевский пришлось на эту роль как нельзя более кстати.

Вслед за заявлением об особой гордости *великорусских* социал-демократов принадлежностью к *своей* национальной среде «Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов»,

вслед за упоминанием революционных событий 1905–1906 годов Ленин особый абзац посвящает Чернышевскому:

«Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: “жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы”. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) *не любят вспоминать об этих словах*. А, по нашему, это были слова настоящей любви к родине, *любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения*. Тогда её не было. Теперь её мало, но она уже есть»... и т. д. [5, с. 107].

Цитата «из Чернышевского» позволяет здесь Ленину-публицисту, с одной стороны, всячески издеваться дальше над русским «патриотизмом» как проявлением «шовинистической» *великодержавности*, а с другой — настаивать на том, что чувство «национальной гордости» *великороссов* именно и *должно* выражаться в этом крайнем национальном *самопрезрении, самоотращении, самоуничтожении*, какое и слышится Ленину в приводимой цитате.

С точки зрения Ленина, *антирусская* оголтелость всех тогдашних *европейских* «шовинизмов» была своеобразным *знаком* обще-европейской «прогрессивности» — в противность российской (*великорусской* прежде всего) «отсталости». «*Рабский*» характер этой последней — как *традиционный мотив* и новейшей (связанной с началом мировой войны), и всех прежних антирусских кампаний в Европе — был настолько *привычен* и представлялся до такой степени *резонным* (с сугубо марксистских позиций тоже), что воспринимался как некая почти что нейтральная *мировоззренческая норма*. В то же время, противопоставляя себя всей европейской социал-демократии, легко расколовшейся с началом мировой войны на маленькие национальные «шовинизмы», и резко противопоставляя им свою позицию «подлинного» марксиста-интернационалиста (клеямя российский «царский» шовинизм), Ленину было крайне важно засвидетельствовать свои, сугубо *национальные*, и притом *исторически авторитетные*, корни русского большевизма.

Очевидно, Ленин нисколько не сомневался, что Чернышевский мыслил и чувствовал именно так, как он его аттестует. Более того, по Ленину, Чернышевский *так близко* подошел к «нам», российским социал-демократам, именно в силу своей «тоски» по «революционности в массах великорусского населения». Апелляция к Чернышевскому должна была свидетельствовать, что русский большевизм — явление отнюдь не «беспочвенное» (ввиду своего демонстративно прокламируемого «интернационализма»). Кроме того, и цитатная фраза звучала свежо, неожиданно ударно, поскольку отсылала к произведению малоизвестному в русской читательской среде, хотя и утверждалось, будто её знали и помнили все «откровенные и прикровенные рабы-великороссы»!.. Одно дело, если бы цитировалась какая-нибудь известная публицистическая статья Чернышевского (а они все и через полвека были живы в русском общественном сознании!), но Ленин цитирует *роман* писателя, причем *поздний* его роман, ставший доступным русскому читателю лишь во время Первой русской революции и уже мало кого интересовавший!..

В своей статье Ленин отнюдь не входит в детали, связанные с фразой «из Чернышевского», в частности никак не упоминает, что ее источником является *роман*, а не, скажем, статья, опубликованная самим Чернышевским в бытность его журналистом. Этот факт, очевидно, представлялся Ленину чем-то вовсе несущественным. Да в его время и никому не пришло бы в голову придавать значение такого рода «нюансу». Это уже только в XX веке, по возникновении в литературоведении так называемой «формальной школы», стали различать в литературных текстах вообще, а в художественных текстах в особенности, *реального* автора с его жизненно значимой идеологической позицией — и *образ* автора, формирующийся *внутри* текста, всегда *конечный* и никогда *не идентичный* реальному автору, разве что в каком-то определенном отношении...

Поскольку позднее, в советское время, уже непрерываемость ленинского авторитета поддерживала и как бы освящала собой всякое «мнение» Чернышевского, удостоившееся высокой цитации, и поскольку такого рода «канонизации» подверглась также

и «*нация рабов*», вслед за Лениным прочно припечатанная в виде клейма к русскому народу, причём исключительно за подписью «Чернышевский», — то не лишним будет, как в свое время говаривал этот последний, «сообразить некоторые факты».

Начнём с того, что сама цитируемая фраза, если можно так выразиться, «сужена» Лениным до *логического скелета* — лишена экспрессии первоисточника, а главное — в ней допущена характерная перестановка слов. У Ленина: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы» [5, с. 107], то есть — со строчной буквы, через запятые, и — «*сверху донизу*». У Чернышевского в романе читаем: «Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов — снизу доверху, все сплошь рабы...» [19, с. 241],^{11*} то есть — в два предложения, с эмоциональным удвоением начального восклицания, с лексическим усилением (слово «сплошь»), многозначительным отточиением на конце фразы и — «*снизу доверху*»... — Из этого с очевидностью следует, что в 1914 году Ленин цитировал роман *по памяти* — да и не роман ему был важен, а, так сказать, *формульный смысл* самой аттестации великороссов как «*нации рабов*» (всё равно, принадлежавшей Чернышевскому ли, или его персонажу; все равно, в каком смысле там прозвучавшей в романе).

Впрочем, до «Национальной гордости...» цитация из «Пролога» встречалась у Ленина еще дважды.^{12*} И все три случая этой цитации компактно группируются хронологически: 1910, 1911, 1914 годы.

3

Это, несомненно, связано с тем, что в конце 1909 года вышла в свет фундаментальная монография Г. В. Плеханова о Чернышевском [11]. Ленин не только тогда же внимательно ее штудировал, постоянно сличая текст книги с ранней (1890 года) плехановской статьёй о Чернышевском, включённой в монографию в переработанном виде. Такое сличение было важно для Ленина по разным злободневным причинам партийного свойства, но между прочим также и потому, что в своё время, в начале 1890-х годов, когда он

впервые приехал в Петербург и только ещё начинал осваивать азы марксизма (не в последнюю очередь по Плеханову!), именно та статья о Чернышевском, публикуемая в русском эмигрантском журнале [10], произвела на него огромное впечатление, следы которого вскоре обнаружились в первом же программно-полемическом сочинении самого Ленина — в его памфлете «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» (1894) [1], который непосредственно продолжал и развивал проблематику плехановских «Наших разногласий» (1885) [9].

Именно здесь Ленин *впервые и единственный раз в таком объёме* привёл обширную подборку суждений героя романа Чернышевского по вопросам крестьянской реформы с прямым указанием на «Пролог» как их источник и со ссылкой на Плеханова в подстрочном примечании.

Если сравнить соответствующие места текстов ленинского памфлета и названной статьи Плеханова, то всплывает любопытный факт, доныне, как кажется, в литературе не отмеченный, а именно: *из плехановской статьи Ленин заимствовал не просто некоторые цитаты, а полностью всю их подборку* — ни цитатой больше, ни цитатой меньше — и *в том же их порядке*.^{13*}

Это не значит, конечно, что в 1890-х годах Ленин не читал самого романа Чернышевского в издании 1877 года (хотя и не свидетельствует об обратном), но это, несомненно, значит, что он *впервые ознакомился с содержанием романа* (если не впервые узнал о его существовании) *именно по статье Плеханова*. Это тем более вероятно, что до неё ни в одной работе о Чернышевском (в России или за рубежом) роман даже не упоминался. По-видимому, плехановские извлечения из него произвели тогда на Ленина столь сильное впечатление, что показались ему *вполне исчерывающими тему*. Во всяком случае, впоследствии он уже не будет цитировать из «Пролога» ничего, а упоминая роман, отсылать в нём к чему-то, кроме тех высказываний Волгина, которые заимствованы ещё у Плеханова в статье 1890 года и затем продублированы самим Лениным в своём раннем памфлете.

Характерно, что в монографии 1909 года Плеханов заметно расширил (сравнительно со статьёй 1890 года) цитацию из 1-й части «Пролога», дополнил её цитатами из 2-й части романа («Из дневника Левицкого за 1857 год»), увидевшей свет лишь в 1906 году. В частности, появились и новые цитаты по вопросам об отношении Чернышевского к крестьянской реформе, к народу, к перспективам революции в России и т. д., — однако *никаких отзвучок этих новых высказываний Волгина в работах Ленина позднего времени нет.*^{14*}

Между тем в той же ранней статье Плеханова, вслед за подборкой выписок из «Пролога» по вопросу о крестьянской реформе и при начале рассмотрения вопроса об отношении Чернышевского к народу, цитировалась и фраза Волгина о «нации рабов», которая, несомненно, также обратила на себя внимание молодого Ленина, но ни для памфлета «Что такое “друзья народа“...», ни вообще для нужд политической борьбы 1890-х годов ему не пригодилась. Однако есть все основания полагать, что Ленин эту фразу якобы «самого» Чернышевского запомнил *именно с тех пор и именно в её плехановской интерпретации.*

У Плеханова соответствующая цитата *заключает* обширную серию выписок из романа, которая *предваряется* общей аттестацией «Пролога» как литературного произведения. Здесь, во-первых, роман ошибочно датируется: «<...> как кажется, значительно раньше романа “Что делать?”». А главное, утверждается, что «это, собственно, не роман, а записки автора, относящиеся <...> к эпохе уничтожения крепостного права». Такая фантастическая датировка романа и совершенно произвольная переквалификация его в «записки» показывают, что Плеханов судил в то время о произведении только на основании его содержания и руководствуясь исключительно своей читательской интуицией. Он проникательно уловил, что под вымышленными именами здесь «выступают известные литературные и политические деятели той эпохи» и что «под именем Волгина Чернышевский изобразил самого себя», но в то же время демонстрировал — наряду с незаурядным

историческим чутьём и обширной эрудицией — также и поразительную нечувствительность к художественной стороне произведения, оставляя за ним лишь «*биографический интерес*» [11, с. 127]. Иначе говоря, Плеханов воспринимал роман «Пролог» только как *автобиографический документ личного характера*, который, с его точки зрения, имеет единственно ту специальную ценность, что свободен от автоцензуры — в отличие от вынужденных недомолвок и эзоповых околичностей в подцензурных статьях писателя.

Впрочем, отождествление высказываний литературного персонажа с общественно-мировоззренческой позицией самого писателя было в порядке вещей не только в то время и не только у публицистов леворадикального толка. Плехановская мысль об *абсолютном тождестве* «журналиста Волгина» и журналиста Чернышевского принадлежала к разряду тех, которые не вызывали ни у кого сомнений и сами собой подразумевались.

В этом смысле чрезвычайно характерно одно место в статье 1890 года.

Вслед за разделом об отношении Чернышевского к народу (где содержится основная подборка цитат из романа, заимствованная Лениным), идёт раздел об отношении писателя к *эксплуаторским классам* (как обозначает проблему Плеханов). В конце его вновь вспоминается роман «Пролог», причём используется текст как раз той самой заключительной, VII главы 1-й части романа, где показывается отношение Волгина к русскому помещицкому дворянству и содержится, в частности, сентенция о «нации рабов».

Плеханову это понадобилось затем, чтобы *отделить* Чернышевского от народников, которые «страшно идеализируют <...> русское крестьянство и с поразительной лёгкостью открывают в нём решительно все те свойства и стремления, какие им хотелось бы в нём видеть». Мы (т. е. марксисты), продолжает Плеханов, «не желая <...> уподоблять им Н. Г. Чернышевского, спешим прибавить, что он, *несмотря на свою веру в возможность крестьянской революции*, в сущности всё-таки был далёк от ложной идеализации народа. *Тогдашняя Россия вообще представлялась*

ему не в особенно привлекательном виде. Временами же он доходил до самого резкого отрицательного отношения к своим соотечественникам. “Жалкая нация, жалкая нация! — восклицает про себя в «Прологе пролога» Волгин, под именем которого Чернышевский изобразил <...> самого себя, — нация рабов, снизу доверху все сплошь рабы”. Даже и в более спокойные минуты его не покидало сознание страшной неразвитости и забитости русско-крестьянства...» и т. д. [10, с. 129].

Закончив цитировать Чернышевского, Плеханов продолжил излагать своё понимание позиции писателя-публициста. Между тем в тексте романа вслед за последней заковыченной Плехановым цитатой (с «нацией рабов») мы читаем: «Он [Волгин] не любил дворянства. Но бывали минуты, когда он не имел вражды к нему. Можно ли ненавидеть жалких рабов?» [18, с. 241]. У Плеханова мы тоже встречаем всю эту колоритную фразу писателя, являющуюся, как это очевидно, деталью авторской ситуативно мотивированной характеристики романного персонажа, но встречаем несколькими страницами дальше — слово в слово и хотя со ссылками на лондонское издание, однако без кавычек: Плеханов прилагает её напрямую к Чернышевскому, утверждая, что это было якобы его личное постоянное умонастроение!.. [10, с. 135].

Отметим в связи с этим в плехановском марксистском взгляде на Чернышевского три важных момента: во-первых, безоговорочно заявляемое тождество Чернышевского с Волгиным; во-вторых, постулативное по смыслу утверждение о якобы свойственной Чернышевскому «вере в возможность крестьянской революции»; в-третьих, произвольную, но тем более показательную переориентацию Плехановым смысла волгинских слов. В романе у Чернышевского они адресованы прежде всего — русскому помещику дворянству, и лишь затем — обессилённому и доведенному до «одурения» крепостническим «общим характером национального устройства» крестьянству [18, с. 298]. У Плеханова же — весь их смысл относится уже только к этому «страшно неразвитому и забитому» русскому крестьянству...

Свою прежнюю ошибочную датировку романа Плеханов исправит в монографии 1909 года, но это для него ничего не будет значить. Он по-прежнему будет настаивать: «В романе <...> Чернышевский изображает *свое настроение, каким оно было в середине 50-х годов*» [11, с. 202], — истолковывая высказывания романного героя как *личные признания* самого писателя, которыми, следовательно, можно оперировать наряду с документально установленными биографическими фактами.

Ленин, как ясно из его ссылок на Чернышевского в статьях 1910-х годов, полностью разделял в этом отношении точку зрения Плеханова. Для них обоих суждения героя романа «Пролог» о крестьянской реформе имели прежде всего ту историческую и политическую ценность, что были *прямыми* заявлениями определённой классово-идеологической позиции, представлявшейся русским марксистам конца XIX — начала XX века наиболее сродной их собственной, при этом заявлениями, сделанными ещё в момент подготовки реформы и не воспринятыми, не понятыми современниками, чем лишний раз подтверждалась в глазах русских марксистов истинность именно их философско-исторической доктрины с характерным для нее *классовым* подходом к анализу любых тенденций и фактов общественного развития.

4

Между тем *революционаризм Чернышевского прямо противоречит главным политическим аксиомам марксизма*, который — как социальная доктрина — в истории научно-философской мысли нового времени явился высшей, кульминационной точкой в эволюции так называемой «теории прогресса». В основе *любой* теории прогресса лежит, как известно, представление о *поступательном* (линейном или спиралевидном) характере общественного развития и убеждение в закономерной *обязательности* такого развития, ведущего непременно к *улучшению* (приращению, обогащению — количественному и качественному) форм и результатов социальной жизнедеятельности людей во всех без исключения её

областях — материальных и духовных. Тем самым марксизм обозначил собою *исторический потолок* в эволюции самой *идеологии* «прогресса», поскольку сфокусировал в себе все важные научно-методологические и мировоззренческие постулаты, ранее либо разрозненные, либо даже не связанные с теориями прогресса.

В частности, он не просто воспринял и по-своему интерпретировал гегелевскую концепцию поступательного прогресса как объективного императива всемирной истории человечества, но специально разработал — как логическое следствие из неё — учение о необходимости, неизбежности, а следовательно, и желательности «революционных скачков» в истории, причём прежнее умозрительное различие «революционного (быстрого) скачка» и «эволюционного (медленного) движения» превратилось в контексте марксистской философии в *этический постулат*, не только *оправдывающий*, но и *освящающий* так называемое «революционное насилие», волюнтаристское по своей сути, ибо обосновывается оно «классовыми интересами» социальных «низов», которые, однако, никогда в истории не сознавали и не способны сознавать адекватно эти свои «интересы». ^{15*}

Русская общественная мысль нового времени в этом, как и во многих других отношениях, развивалась отнюдь не только *вслед* за европейской мыслью (которая в свете «теории прогресса» представлялась неизменно «передовой»), но и всякий раз, «догнав» (то есть усвоив и освоив), *опережала* ее, так что каждый очередной этап своего «отставания» от западной мысли вновь преодолевала двояко: с *энтузиазмом* переживала новейшее западное «откровение» и с *чувством патриотического стыда* приспособливала к нему «доморощенную» (в силу пресловутой «отсталости» русской жизни!) проблематику, как правило *уже* или *еще* неведомую «развитому» Западу.

Если попытаться определить этот *особый проблемный субстрат* собственно русской общественной мысли, то он окажется не чем иным, как *совестливой точкой зрения* на все и всякие вопросы человеческого бытия в этом мире, в том числе и вопросы

сугубо политические. Именно в этом состояло отличие, например, «сентиментального» революционаризма Радищева от «эгалитарного» экстремизма якобинцев; или самозабвенной жертвенности русского декабризма от рассудительной практичности западного радикализма; умильного славянофильского демократизма от горделивого европейского либерализма; позднее — русского народнического социализма от «интернациональной» западной социал-демократии; народовольческого терроризма от международного бланкизма; наконец русского большевизма от западноевропейского марксизма. Каждое из указанных русских течений рождалось в «оглядке» на «достижения» Запада, а возникнув, апеллировало непременно к *совести*, стремясь именно в ней отыскать для себя *конечные резоны*.

Разумеется, Н. Г. Чернышевский-идеолог в этом отношении тоже не составляет исключения. Другое дело, что он как никто другой близко подошёл к *проблематике* марксизма вообще и будущего русского большевизма в частности. Однако «близко» не означает в данном случае, что «совпадает» с тем либо другим, или «предшествует» им, или «сопрягается» с ними, «дополняет» их, «недорастает» до них и т. п. *Такая* трактовка всей идеологии Чернышевского характерна как раз для *Плеханова*, впервые её предложившего, и для *Ленина*, отвергнувшего осторожный плехановский «академизм» и выдвинувшего на первый план бескомпромиссный «мужицкий демократизм» Чернышевского и его «последовательный революционаризм». Позднейшие *веховские* «переоценки» и «переосмысления» прямо отталкивались от плехановско-ленинской трактовки идеологического и политического смысла деятельности Чернышевского и тем самым по-своему утверждали её незыблемость.

Между тем Чернышевский как политический мыслитель и общественный деятель был фигурой гораздо более масштабной, чем это виделось Плеханову сквозь очки его ортодоксального «марксизма», и гораздо более неординарной, чем это представлялось Ленину с высоты его «пролетарского» революционаризма. Казалось бы, Чернышевский и в самом деле был «мужицким»

(а не каким-либо иным) демократом, «утопическим» (иначе говоря — не марксистского толка) социалистом; его действительно не пугала (ни лично, ни в исторической перспективе) «новая пугачёвщина» (социальная революция *снизу* с неизбежным для неё кровавым исходом); он, точно, издевался и над самодовольным прекраснодушием «либералов», и над чванливой наглостью «консерваторов», и над слепой алчностью «охранителей», и над трусливой беспринципностью «реформаторов», и над ребяческой наивностью «радикалов»... Но он ни в коем случае *не звал* «к топору», за что его с некоторых пор вошло в обыкновение с мещанским апломбом третировать в политизированной постперестроечной прессе. Именно в понимании философско-исторических, социально-политических, нравственно-поведенческих оснований и следствий *революционаризма как позиции* Чернышевский принципиально отличается столько же от современной ему западной революционной демократии, сколько и от позднейшего русского большевизма, назойливо провозглашавшего его своим предтечей.

Отношение писателя к проблеме освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1867–1870 годах, когда в романе «Пролог» о ней высказывается устами своего героя Чернышевский-романист, было ровно тем же самым, что и в 1857–1858 годах, когда ее освещал в печати Чернышевский-публицист. Разумеется, и реальный Чернышевский, и его герой оба *принадлежат* одной эпохе, но *по-разному*: один — фактически, другой — эстетически; один — непосредственно, другой — как ее художественное отражение. Чернышевский-публицист жил и действовал *внутри* своей эпохи и лишь *предвидел* ее возможные исходы, отстаивая тот единственный из них (исторически так и не состоявшийся), который, по его убеждению, отвечал коренным народным интересам. Чернышевский-романист, напротив, *знал*, какая именно из недавних исторических вероятностей действительно состоялась, и наделил этим знанием своего героя уже в 1857 году (время действия произведения), придав его оценкам и прогнозам *внутри романа* убедительность совсем иного свойства, чем та, которой способно

обладать публицистическое слово. По своим взглядам и убеждениям Волгин, конечно, является мировоззренческим alter ego самого Чернышевского, но лишь в той мере, в какой этого хотел романист. В любом случае литературный герой не может стать буквальной копией автора. Волгин *иначе аргументирует*, чем в свое время аргументировал Чернышевский-публицист. Последний апеллировал к рациональному сознанию читателей и таким образом воздействовал на их социальное самосознание. «Публицист» Волгин изображается почти исключительно в «домашней» обстановке и ведет «частные» беседы — с каждым своим собеседником персонально своеобразные. Его высказывания менее всего декларативны. Они скорее загадочны, чем откровенны. Они *наводят* на подразумеваемый смысл, но *не формулируют* его. Волгин оперирует не логическими доводами, а почти исключительно доводами ad hominem, как они именуются в риторике: за провозглашаемыми идеями и произносимыми словами он прозревает *нравственную сущность конкретной человеческой личности* и ею, как достаточной мерой, поверяет все и всякие идеи и слова — их сокровенный смысл, практическую направленность и даже «ученое достоинство». Но это возможно для него потому, что он убежден: человек един во всех своих проявлениях — больших и малых, общественно-идеологических и интимно-психологических; человек всегда и во всем равен самому себе; его «теория» (мировоззренческие убеждения) и его «практика» (общественное и житейское поведение) всегда согласны между собой. Чернышевский когда-то юношей, студентом Петербургского университета осознал это как одну из немногих фундаментальных мировоззренческих истин^{16*} и так или иначе выражал во всех своих писаниях, поступках, решениях и оценках. Однако только в романе «Пролог» Чернышевскому впервые удалось заявить эту свою идею по-настоящему масштабно, всеобъемлюще и предельно убедительно. И именно поэтому в романе слово публициста и ученого, декларация государственного деятеля и политика стоят ровно столько, сколько тот же публицист или ученый, государственный деятель или политик проявляют

себя в своей частной и личной жизни. Позиция Волгина, содержание, казалось бы, совершенно *идентичная* позиции Чернышевского-публициста, получает в романе совсем *иные резоны*, чем те, которые в ее защиту и развитие выдвигал в своих статьях сам Чернышевский. Более того, Чернышевский-романист последовательно проводит в романе это разграничение между собой публицистом и своим романным «двойником» Волгиным, превращая это в *художественный прием*, суть которого в том, что к *подтексту* романа подключается полностью вся публицистика Чернышевского, а в *тексте* — нет ни единой отсылки к чему-либо конкретному в ней, кроме общеизвестной ее проблематики. Внимательный читатель должен самостоятельно соотносить писавшееся Чернышевским тогда с заявляемым Волгиным теперь — и думать, соображать, вникать...

Плеханов, как мы видели, ошибся — и ошибся крупно, принципиально. Он не увидел в Волгине *пророческого прозрения неизбежности* «новой пугачевщины», *неотвратимость* которой уже *предрешена* «реформой», исторически состоявшейся *к выгоде помещиков против* экономических интересов крестьян. Чернышевский *такого* исхода «реформы» *не желал* для русского крестьянства именно потому, что она была чревата «новой пугачевщиной», меньше всего нужной и полезной самому народу, руками которого всегда совершается, и когда увидел, что другого исхода реформы не будет, демонстративно перестал писать вообще о каких бы то ни было реформах. «Новая пугачевщина» была, по Чернышевскому, *наихудшим*, наименее желательным, с точки зрения интересов крестьянства, но *неизбежным* исходом неумной, недальновидной, *пропомещичьей* политики правительства. Вопрос стоял только о том, *когда* это случится. По Чернышевскому, *чем скорее, тем лучше*. Но ее «не случилось» ни в 1861, ни в 1863 годах, отдельные локальные бунты были подавлены военной силой, к чему правительство успело подготовиться. Что это всё произойдет именно так — в этом Чернышевский не сомневался уже в 1858 году. Но надежда, как известно, умирает последней. И Чернышевский,

изображая в «Прологе» и свою эпоху, и себя в ней, наделяет своего Волгина-публициста *убежденным* сознанием неизбежности антинародного характера готовящейся «реформы». Угроза «новой пугачевщины» отодвинута на полстолетия, но отнюдь не ликвидирована. Так что, если вместо романного 1857 года подставить 1867 год (год писания самого романа с Волгинским скепсисом и презрением к либеральному «ребячеству»), то сорокалетие, на которое он уверенно отодвигает разгул крестьянского гнева (то есть взрыв той самой «пугачевщины»), удивительно точно падает на 1906 год!..

Несмотря на обилие написанного о Чернышевском (особенно в советское время), всё сказанное о нём по вопросу о его *революционаризме* и *демократизме* продолжает строго ориентироваться в рамках либо *плехановско-ленинских*, либо *веховских* аттестаций, и его взгляды, суждения, оценки, построения и прогнозы остаются всё ещё непонятыми и невосприимчивыми.

В частности, что, в самом деле, значит волгинское «снизу доверху» — *в отличие* от ленинского «сверху донизу»? — Оно значит, что Волгин, а с ним, конечно, и Чернышевский *смотрят* на перспективы общественного развития «снизу» — *от* народа, а значит, *их* «революционаризм» — это отнюдь не следствие «веры» в народ (Плеханов), тем более «веры» в революцию (Ленин), а *понимание* того, что именно *слепое корыстолюбие* социальных верхов всегда отсекает реальный путь «мирного» исторического развития, *неизбежно* толкая обманутый и ограбленный народ к «пугачёвщине». Нравственная и юридическая *вина* за все кровавые эксцессы в истории всегда лежит только на этих «верхах», — причем, между прочим, еще и потому, что *во всех революциях именно социальные низы терпят главное разорение и всегда оказываются ограбленными пуще, чем прежде*. — Чернышевский никогда не «звал» к революции — напротив, он от нее *предостерегал*. Он считал, что *долг* «порядочного человека» — *защитить* народ *от* революции, пока «глупость» верхов не превратит

назревшие *реформы* в «мерзость» и не делает тем самым ход исторического развития *безальтернативным*, а тогда *долг* «порядочного человека» — идти *вместе* с народом, а не *против* него, бороться за его интересы, а не *предавать* их...

Революционаризм марксистского (в частности, «большевистского») толка) *прямо противоположен* — и мировоззренчески, и нравственно — этому, «народническому» революционаризму Чернышевского. Ленинское «сверху донизу» — не просто ошибка памяти, но *показательная проговорка*: он смотрит на текущую историю из *наднационального* «сверху», откуда народные «низы» презрительно-равнодушно видятся *коснеющими* где-то далеко *позади* ненавистных своим «национальным консерватизмом» и социально враждебных «верхов», которые, во-первых, *должны* быть уничтожены просто потому, что — «верхи», а во-вторых (и к сожалению) — не могут быть уничтожены иначе, как только *«революционной активностью»* народных «низов», которых и *следует* *понууждать* к тому.

Если то же самое сказать коротко, то для **Чернышевского** революция — *нежелательная беда*, для **Ленина** — *чаемая цель*... Большой пропасти между двумя философско-историческими концепциями *феномена* «революции» и представить себе невозможно!

Примечания

* В основу статьи положен доклад, прочитанный 30 марта 2000 года на научной конференции исторического факультета СПбГУ.

** Здесь и далее везде в цитатах наши выделения обозначаются *курсивом*, авторские — **жирным шрифтом**.

*** Заметим попутно, что эта формулировка предполагает дальнейший призыв к «превращению войны империалистической в войну гражданскую». В этой статье Ленин столь откровенной формулой не пользуется (очевидно, в силу специфичности *темы* статьи), но сам этот *лозунг* уже был им провозглашён в ряде резолюций, выступлений и статей, непосредственно предшествующих рассматриваемой статье. См., напр., в таких публикациях большевистской газеты «Социал-демократ»

(№ 33 от 1 ноября / 20 октября), как «Резолюция группы социал-демократов» (именуемая также «Тезисы о войне») — тезисы 4 и 7.1 («Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть: во-1-х, <...> пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех [воюющих] стран» [3]), статьи «Война и российская социал-демократия» («Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг» [4]) или «Положение и задачи Социалистического Интернационала» [5].

Замечателен в той же цитате из «Национальной гордости великоросов» и бросающийся в глаза каскад риторических фигур речи: синонимы, превращаемые в антонимы («отчизна» — «родина»); метонимический гротеск («^{9/10} населения»); наконец, нарастающая градация («деморализует, унижает, обесценивает, проституирует»). Не эта ли энергетическая эмфаза ленинских писаний и речей выдвинула его в первые ряды революционных вождей XX века?..

**** Еще одна риторическая фигура речи, служащая для смыслового усиления сказанного.

***** Нелишне напомнить, что лозунг «равенства» («égalité»), как и вся французская триада в целом («liberté, fraternité, égalité»), имеет типично масонские, *антихристианские* идеологические корни, поскольку *неравенство* в прямом, неполитизированном смысле слова является, как известно, главным структурным принципом *мироздания* вообще!.. Впрочем, «равенство всех перед законом» — даже как просто *юридическая* норма — нигде и никогда (и это тоже хорошо известно) *реально* не исполнялась и не исполняется, а лишь *применяется* теми или иными властными силами исключительно в своих корыстных политических или групповых целях. Исключения бывают редко и лишь в тех случаях, когда, напротив, соблюдение юридического принципа «равенства», опять же по политическим или групповым соображениям, оказывается *желательным*...

* Именно с этой статьи, в своё время специально адресованной Энгельсом русскому читателю, началось, по-видимому, вообще ленинское знакомство с марксизмом. Она писалась по заказу редакции того самого эмигрантского журнала «Социал-демократ» (первого марксистского

издания на русском языке) и печаталась в тех же 1890–1892 годах (в № 1 [февральском] и 2 [октябрьском]), когда здесь публиковалась обширная реферативно-аналитическая статья Г. В. Плеханова о Чернышевском [9], выдержанная в строго «марксистском» духе и подробно изученная и законспектированная молодым Лениным ещё в начале 1890-х годов, приехавшим тогда в Петербург сначала для сдачи экстерном государственных экзаменов на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, а в сентябре 1893 года вообще переехавшим в столицу якобы для работы в адвокатуре помощником присяжного поверенного, но сразу же включившегося в жизнь делавшего свои первые шаги марксистского подполья [2].

Разумеется, в 1914 году Ленин читал тексты Маркса и Энгельса в оригиналах, и поэтому необходимо заметить, что в *английском* варианте энгельсовской статьи (напечатанном параллельно с русским вариантом, в апрельском и майском номерах журнала «Times» [12, с. 11]) фраза, по-русски звучащая: «<...> сделали бы невозможной победу европейского пролетариата» [13, с. 13] — звучит гораздо более патетически и в то же время в смысловом отношении иначе: «<...> *под железной пятой царя была бы уничтожена всякая возможность прогресса*» [13, с. 13, подстрочное примеч. ред. **]. Точно так же начальное энгельсовское «мы», в русской публикации расшифровываемое как «западноевропейская рабочая партия» [13, с. 13] (то есть II Интернационал), в английской редакции расшифровывается расширительно и далеко не столь определённо: «*Не только социалисты, но и каждая прогрессивная партия в любой стране Западной Европы*» [13, с. 13, подстрочное примеч. ред.*]. Это уже позиция не столько II Интернационала, сколько всего «прогрессивного» Запада в целом. Ленину — автору «Национальной гордости великороссов» — эти *подлинные* энгельсовские высказывания были ближе, понятнее и, если можно так выразиться, «роднее», чем формулировки старого русского перевода, в своё время сделавшие своё дело.

^{7*} Стоит обратить внимание на клишированность выделенных нами энгельсовских аттестаций «царской Российской империи», в особенности той из них, которая помечена у нас знаком (?). Она не может не вызвать недоумения в глазах непредвзятого читателя. По точному смыслу слов,

фраза «постоянное вмешательство в дела Запада» предполагает вмешательство России во *внутренние* дела стран Европы. Однако если *такое* «вмешательство» России во внутреннюю политику некоторых западноевропейских держав и имело место на протяжении XVIII–XIX веков, то оно было не бóльшим, чем вмешательство Англии, Франции, Швеции, Пруссии, Австрии во внутренние дела друг друга, а тем более в политику государств и судьбы народов Прибалтики, Восточной Европы, Балкан, Турции, Закавказья и т. д., в том числе, конечно, и во внутренние дела России! Энгельс сам в своей статье приводит многочисленные факты такого рода, но свидетельствуют они вовсе не о «вмешательстве во внутренние дела», а о *геополитическом* противостоянии России и Запада. Энгельс откровенно использует в статье характерный англо-французский *двойной стандарт*, когда вся политика Запада по отношению к России всегда *оправдана* (потому что — «наша»), а любые, в том числе аналогичные или ответные, действия России, даже если касаются исключительно *приграничных* её интересов, — *возмутительны, нетерпимы, агрессивны*, причём по отношению к Европе «вообще»!..

^{8*} См. работы, указанные в примеч. ***

^{9*} Обращает на себя внимание заключительная фраза. Положим, если население европейской части Российской империи могло быть тогда количественно сопоставимо с населением всей остальной Европы, то «наибольшая масса населения <...> Азии» никак не могла «угнетаться» «реакционным и варварским» *русским* «царским правительством»! До какой степени надо было *забыться* в поистине *слепой* ненависти к *родному* «отечеству», чтобы приписать этому последнему то, что *по праву* могло быть сказано *только* о тогдашних Великобритании, Франции и Германии с их необозримыми колониями в Индии, Китае, Юго-Восточной Азии и Океании!.. Несомненно, именно в слепоте этой ненависти надо искать источник странного (а с исторической и логической точки зрения — вычурного) ленинского различия «родины», которую «мы» *любим*, — и «отечества», которое «мы» *ненавидим*.

^{10*} Иначе говоря, не будь России, Западная Европа знать не знала бы никакого милитаризма!..

^{11*} Удовлетворительного научного издания романа не существует до сих пор; о текстологической негодности всех предшествующих изданий,

в том числе и самых «авторитетных» [16] или [17], см. [20]. Наиболее вопиющие искажения текста романа по сравнению с автографом, хранящимся в ЦГАЛИ, указанные Э. Л. Ефременко в [20], учтены только в одном из последующих изданий, а именно в [19]. В этом отношении оно является единственным, действительно авторитетным. В настоящей статье роман цитируется по [19].

^{12*} В «формульном», так сказать, усечении («жалкая нация, нация рабов»), но тоже с упоминанием Чернышевского как ее *автора*, Ленин использовал ее в статье «За что бороться?» (1910), Впрочем, исключительно с целью вящего обоснования актуальности лозунга революционного низвержения самодержавного строя в России. Тогда Ленина не смутила даже логическая несообразность в обыгрывании им слова «нация»: бывшая «*нация рабов*» оказывалась — с декабря 1905 года — «способной под руководством *пролетариата* <...> потянуть к <...> борьбе *массы*!» [6] Похоже, заманчивая хлесткость самой *фразы*, да еще в сочетании с *именем* «Чернышевского» была единственным резонем её использования...

Был у Ленина и случай цитирования другого места из романа «Пролог», но тоже в виде общей отсылки к *авторству* Чернышевского, без указания на *роман* как источник цитаты. В статье «“Крестьянская реформа” и пролетарски-крестьянская революция» (1911), посвящённой анализу социально-политической и идеологической ситуации в России накануне реформы 1861 года и её историческим последствиям (в связи с широко обсуждавшимся в прессе 50-летием отмены крепостного права), Ленин аттестовал Чернышевского как самого крупного мыслителя и революционного деятеля эпохи и, в частности, замечал: «Либералов 60-х годов Чернышевский назвал “болтунами, хвастунами и дурачьём”<...>» [7]. Закавыченные слова — еще одно характерное ленинское усечение слов героя из романа «Пролог». У Чернышевского читаем: «Эх, наши господа эманципаторы <...> Вот хвастуны-то, вот болтуны-то, вот дурачьё-то!» [19, с. 130] (в лондонском издании 1877 г. и в издании 1906 г. — «эмансипаторы»; во всех советских изданиях, начиная с [16], ошибочно — «инициаторы», в том числе и в наиболее представительном из них [17]).

^{13*} Обращает на себя внимание, что помимо подлинных цитат, в текст ленинского памфлета попала дословно — в качестве текста самого

Чернышевского! — даже одна плехановская связка-пояснение между цитатами из Чернышевского (ср. фрагменты авторского текста у Ленина и Плеханова после слов Волгина «Пусть дело освобождения крестьян... ~ ...Разница невелика»: [1, с. 190–291] и [10, с. 127]; — у Ленина сняты лишь имена персонажей, приводимые Плехановым). Это обстоятельство и, с другой стороны, ошибочное атрибутирование Лениным последней приводимой им цитаты из романа («Из “Писем без адреса”...»; между тем Плеханов прямо отсылал к разговору Волгина с Нивельзиным, то есть к роману Чернышевского) заставляют думать, что Ленин при работе над «Что такое “друзья народа”...» пользовался не журнальным оригиналом статьи Плеханова, а собственным конспектом ее, куда в свое время скрупулезно перенес всю плехановскую подборку цитат из романа вместе с сопутствующими пояснениями и замечаниями к ним (вероятно, по недосмотру или в спешке).

^{14*} Сохранившийся экземпляр монографии Плеханова с многочисленными пометами Ленина [8] свидетельствует, что его сугубо интересовало лишь то, что отличает *сегодняшнего* Плеханова, Плеханова-меньшевика, от раннего Плеханова, Плеханова — признанного лидера молодого русского марксиста, и собственно интереса к Чернышевскому в пометах Ленина просто нет. Он даже не дошел в своей проработке книги до тех мест, в которых оценивается и обильно цитируется роман «Пролог». Между тем, Плеханов в разделе о литературном творчестве Чернышевского добавил несколько существенно важных высказываний Волгина по проблеме крестьянской реформы. Ленин, похоже, их просто *не увидел*, потому что в своих статьях 1910–1914 годов он *никак* ими не воспользовался, довольствуясь тем, что сохранилось у него в плехановском конспекте начала 1890-х годов.

^{15*} Маркс и Энгельс в опубликованных и неопубликованных своих работах, а также в частной переписке неоднократно писали о несовпадении *содержания* классовых интересов «эксплуатируемых» и «эксплуататоров» и тех конкретно-исторических идеологических *форм* (прежде всего — *религиозных*), в которых они выражались в прошлые эпохи у самых разных народов. Ленин — впервые в истории марксизма — довёл эту мысль до её *теоретического* завершения и в работе «Что делать?» (1902) создал

концепцию «партии нового типа», чьей *главной задачей* стало «внесение революционного сознания в среду рабочего класса» [2]. Это означает, между прочим, что ни «пролетарская революция», ни марксова «диктатура пролетариата», ни тем более *построение* «коммунистического бесклассового общества» не являются, как утверждали «классики марксизма», ни исторической *закономерностью*, ни, следовательно, исторической *необходимостью*. Если капитализм — «высшая и последняя стадия» социальной эволюции человечества, а пролетариат — его «могильщик», то ленинская концепция *пролетарской политической партии* означает приведение этих аксиом марксистской теории «прогресса» — *ad absurdum!*..

^{16*} Насколько эта идея (или этот принцип) характерны для Чернышевского и даже фундаментальны в системе его мировоззрения в целом, свидетельствует юношеская повесть Чернышевского-студента «Теория и практика», целостный анализ которой в проблемном контексте русской литературы конца 1840-х годов см. [23].

Литература

1. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксизма) // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 1. С. 125–346. — Впервые: [Без автора]. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксизма). СПб. Вып. 1–4 (гектограф; до настоящего времени вып. 2 не найден).
2. Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 6. С. 1–192.
3. Ленин В. И. Резолюция группы социал-демократов [Тезисы о войне] // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 26. С. 6. — Впервые: Социал-демократ. 1914. № 33. 1 ноября / 20 октября.
4. Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 26. С. 22. — Впервые: Социал-демократ. 1914. № 33. 1 ноября / 20 октября.

5. Ленин В. И. Положение и задачи Социалистического Интернационала // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 26. С. 40. — Впервые: Социал-демократ. 1914. № 33. 1 ноября / 20 октября.
6. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 26. С. 106–109. — Впервые: Социал-демократ. 1914. № 35. 12 декабря / 30 ноября.
7. Ленин В. И. За что бороться? // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 214. — Впервые: Социал-демократ. 1910. № 12. 23 марта / 5 апреля.
8. Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 174. — Впервые: Социал-демократ. 1911. № 21–22. 19 марта / 1 апреля.
9. Ленин В. И. Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. СПб.: Шиповник, 1909. [Подчеркивания и замечания на полях] // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 29. С. 534–571.
10. Плеханов Г. В. Наши разногласия // Плеханов Г. В. Избр. философские произведения: В 5 т. М.: Соцэкгиз, 1956. Т. 1. С. 115–370.
11. Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский // Плеханов Г. В. Избр. философские произведения: В 5 т. М.: Соцэкгиз, 1958. Т. 4. С. 70–167. — Впервые: Социал-демократ: Литературно-политическое обозрение. Кн. 1. Лондон, 1890; Кн. 2–4. Женева, 1890–1892.
12. Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский // Плеханов Г. В. Избр. философские произведения: В 5 т. М.: Соцэкгиз, 1958. Т. 4. С. 181–397. — Впервые: Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. СПб.: Шиповник, 1909.
13. Энгельс Ф. Эмигрантская литература. I. Польская прокламация // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 18. С. 503–509 (на русском языке статья впервые опубликована в 1906 году. — Там же. С. 720, примеч. 426).
14. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 22. С. 13–52.
15. [Чернышевский Н. Г.] Пролог: Роман из начала шестидесятых годов. Часть первая: Пролог пролога. Лондон: Изд. журнала «Вперед», 1877.
16. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 10 т. / Изд. М. Н. Чернышевского. СПб., 1905–1906. Т. IX («Что делать?»). Т. X. Ч. 1 («Пролог»).

17. Чернышевский Н. Г. Пролог: Роман из начала шестидесятых годов. М.; Л.: Academia, 1936. — 535 с.
18. Чернышевский Н. Г. Пролог: Роман из начала шестидесятых годов // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. / Под общей ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, В. И. Лебедева-Полянского, Н. М. Чернышевской и др. М., Гослитиздат, 1949. Т. 13. С. 5–355.
19. Чернышевский Н. Г. Пролог: Роман из начала шестидесятых годов // Чернышевский Н. Г. Избр. произв.: В 3 т. Л.: Худож. литература, 1978. Т. 2. — 464 с.
20. [Без автора]. Даты жизни и деятельности В. И. Ленина // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 1. С. 650–654 и сл.
21. [Без автора]. Примечание 219 // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 29. С. 669–670.
22. Ефременко Э. Л. Публикация художественных произведений Н. Г. Чернышевского // Вопр. текстологии: Сб. ст. М., 1957. С. 189–223.
23. Руденко Ю. К. Н. Г. Чернышевский как художник: беллетристические опыты 1840-х годов // Руденко Ю. К. Художественная культура: вопросы истории и теории. СПб.: Наука, 2006. С. 116–155. — Впервые: Русская литература. 1970. № 1. С. 101–120.
24. Скафтымов А. П. Примечания // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. / Под общей ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, В. И. Лебедева-Полянского, Н. М. Чернышевской и др. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 13. С. 886–919.